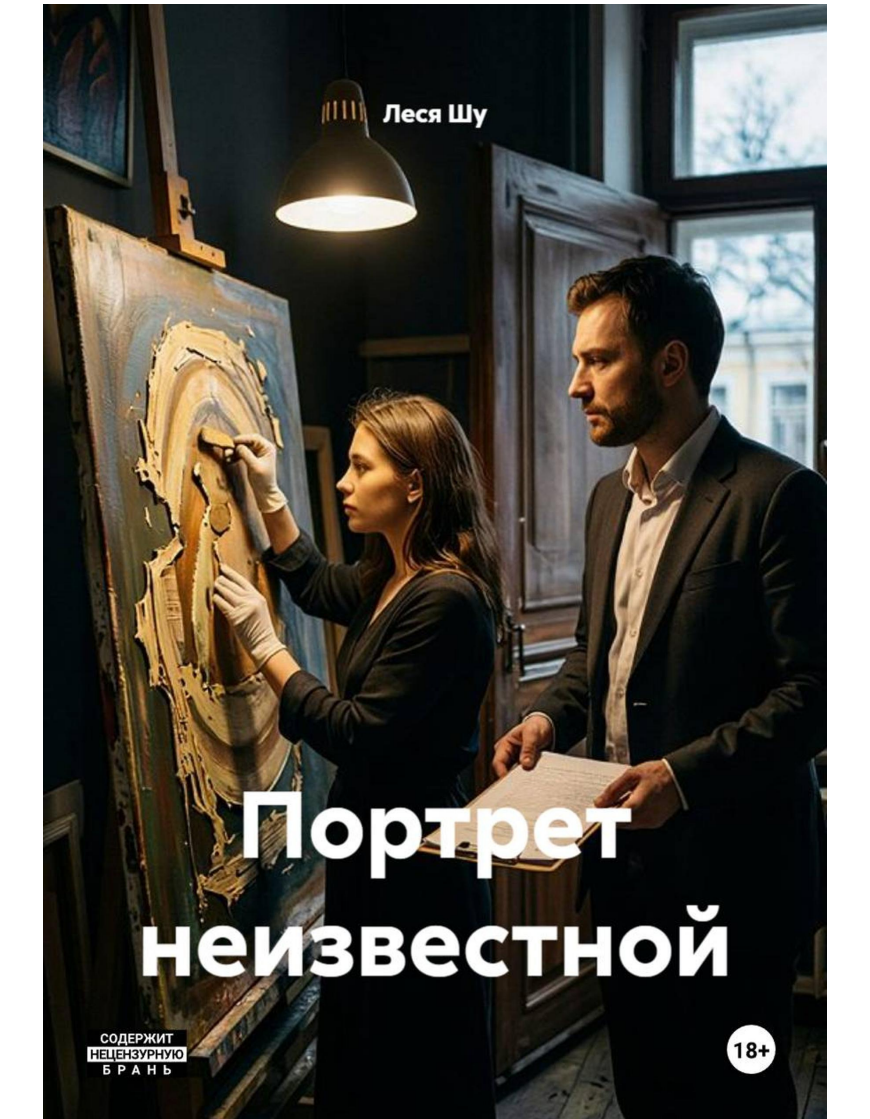

Леся Шу

Портрет неизвестной

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леся Шу

Портрет неизвестной

<https://litres.ru/74606824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Влада Северина — реставратор из Петербурга. Она возвращает свет туда, где другие видят лишь грязь и время. Пока в её мастерскую не входит Кирилл Бессонов — коллекционер, который покупает не картины, а людей.

Он предлагает ей контракт. Один год её жизни в обмен на жизнь её матери. Один год, чтобы найти легендарный портрет Брюллова. Один год, чтобы не влюбиться.

Но чем глубже Влада ищет картину, тем яснее понимает: картина ищет её. Женщина с портрета — её кровь. А человек, который держит её в руках, знает больше, чем говорит. Он ждал её три года.

Это не история о сделке. Это история о выборе. О любви не по контракту. О тайне, которая старше их обоих.

Любовь — не владение. Это присутствие. Рядом. Каждый день. Пока можешь.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Леся Шу

Портрет неизвестной

Глава 1

Глава 1. Реставратор

Меня зовут Влада. Влада Северина. Мне двадцать шесть, и я реставрирую старые картины в мастерской на Литейном, в Санкт-Петербурге. Моя жизнь пахнет скипидаром, льняным маслом и пылью веков. Я привыкла к тишине. К одиночеству. К тому, что люди уходят, а картины остаются. Так было до того вечера, когда в мастерскую вошёл он.

Был конец октября. Город тонул в сером тумане, который поднимался с каналов и полз по улицам, как живое существо. Я сидела над «Осенью» Левитана — подлинником, который чудом попал ко мне на реставрацию. Краски осыпались, холст дышал на ладан, но свет — тот самый левитановский свет, тихий и пронзительный — ещё жил в глубине полотна. Я снимала слой за слоем, миллиметр за миллиметром, и мне казалось, что я разговариваю с картиной. Так бывает. Я всегда разговариваю с картинами. С людьми — сложнее.

За окном шёл дождь. Я не заметила, как стемнело. Не заметила, как зажглись фонари. Не заметила, как внизу остановился чёрный автомобиль. Я заметила только его.

Он вошёл без стука. Дверь скрипнула, и холодный воздух ворвался в мастерскую, неся с собой запах мокрого асфальта и сигарет. Я подняла голову. В дверях стоял мужчина. Высокий. В сером кашемировом пальто, которое, должно быть, стоило больше, чем моя квартира. Волосы цвета петербургского тумана. Глаза тёмные, как вода в Неве в декабре. Он не улыбнулся. Не извинился. Просто стоял и смотрел.

Я знала это лицо. Кирилл Бессонов. Его называли коллекционером, но говорили, что за красивым словом скрывается нечто большее. Он владел галереями, антикварными салонами, половиной рынка русского искусства. Говорили, он не покупает картины. Он покупает людей. Тех, кто может достать то, что не продаётся.

— Влада Северина? — спросил он. Голос низкий, ровный. Без эмоций.

— Да.

— Я слышал, вы лучшая. Восстанавливаете то, что другие считают потерянным.

— Смотря что вы имеете в виду.

Он улыбнулся. Одним уголком губ. И я почувствовала, как что-то внутри сжалось. Не страх. Что-то другое. Я отложила кисть. Сняла перчатки. Встала. Я была в фартуке, испачканном краской. Волосы собраны в пучок. На щеке — след от скипидара. Я не выглядела как женщина, которую можно соблазнить. Но он смотрел так, будто видел сквозь фартук, сквозь перчатки, сквозь кожу. Будто видел то, что я

прятала даже от себя.

— Я имею в виду картину, — сказал он. — Брюллов. «Портрет неизвестной». Считается утерянным. Но я знаю, что он существует. И я знаю, что вы можете его найти.

Я замерла. «Портрет неизвестной». Легенда. Картина, которую Брюллов написал за месяц до своей смерти. Женщина с загадочным взглядом. История о любви, которая не успела случиться. Картина исчезла в годы революции, потом всплыла в блокадном Ленинграде, потом снова исчезла. О ней писали статьи, снимали документальные фильмы. Никто не находил. Никто.

— Это невозможно, — сказала я. — Картина исчезла сто лет назад. Если она вообще существовала.

— Всё возможно, Влада. Вопрос цены.

Он подошёл ближе. Слишком близко. Я чувствовала запах его парфюма — что-то древесное, холодное, как зимний лес. Он достал из кармана фотографию. Старую, пожелтевшую, с загнутыми углами. На ней — женщина. Молодая. Красивая. Смотрит прямо в объектив. Взгляд — глубокий, пронзительный, будто она знает что-то, чего не знаешь ты.

Я узнала работу. Копия. Двадцатый век. Но даже копия была бесценна. Я видела такие в архивах. Только на фотографиях.

— Мой отец собирал Брюллова всю жизнь, — сказал он. — Он умирает. Рак. Четвёртая стадия. Врачи дают месяц. Может, два. Я хочу подарить ему эту картину. Найти её. До-

стать. Любой ценой.

— И при чём здесь я?

— Вы знаете архивы. Знаете людей. Знаете, как искать то, что спрятано. Мне нужен не просто реставратор. Мне нужен человек, который не остановится. Который будет копать, пока не найдёт. Или пока не умрёт.

Я молчала. Он смотрел на меня. И в этом взгляде было что-то, от чего я не могла отвести глаз. Не угроза. Не лесть. Что-то другое. Что-то, чему я не могла дать имя.

— Что вы предлагаете? — спросила я наконец.

— Год, — сказал он. — Один год. Вы работаете на меня. Живёте в моём доме. Едете со мной. Ищете. Находите. Вы принадлежите мне — ваше время, ваши знания, ваше присутствие. Взамен — я плачу за лечение вашей матери.

Я вздрогнула. Мама. Диагноз поставили три месяца назад. Опухоль. Операция в Германии. Стоимость — как квартира. Я продала всё, что могла. Бабушкины украшения. Отцовские часы. Даже свою первую картину, которую реставрировала в детстве. Оставалось только чудо. Или сделка с дьяволом.

— Откуда вы знаете про маму?

— Я знаю всё, Влада. О вас. О вашей матери. О вашем брате. О том, что случилось пять лет назад.

Я замерла. Дима. Мой брат. Младший. Он умер в автокатастрофе. Я была за рулём. Я не справилась с управлением. Он не выжил. Я — выжила. И живу с этим каждый день. Пять лет. Никто не знал. Никто, кроме мамы. И теперь — он.

— Вы... — я не знала, что сказать.

— Я не угрожаю, — сказал он. — Я просто говорю, что знаю. И что готов помочь. Вашей матери. Вам. Если вы согласитесь.

Он достал из кармана сложенный лист. Положил на стол. Рядом — ручка. Золотая. Дорогая. Я смотрела на неё. На лист. На свои руки. На картину, которую реставрировала — «Осень» Левитана. Краски осыпались, но свет остался. Я думала о маме. О её улыбке. О том, как она держала меня за руку в детстве. Я думала о себе. О своей пустой квартире. О тишине. О том, что я давно ничего не чувствовала. Может, это шанс. Может, это ловушка. Но выбора не было.

Я взяла ручку. Подписала. Он забрал лист. Сложил. Убрал во внутренний карман.

— Умница, — сказал он. — Правила просты. Вы живёте у меня. Слушаете меня. Не лжёте. Не исчезаете без предупреждения. Не смотрите на других мужчин. Ваше тело, ваше время, ваше внимание — мои. На год. За неповиновение — последствия. За послушание — награда. Вопросы?

Я покачала головой. Горло сжалось.

— Скажите это.

— Я ваша, — выдохнула я. — На год.

Он улыбнулся. На этот раз тепло. И в этой улыбке было столько обещания, что у меня подкосились колени.

— Хорошо, Влада. Добро пожаловать в мою жизнь. Постарайтесь не влюбиться.

Он повернулся. Пошёл к выходу. У двери обернулся.

— Через час за вами приедет машина. Соберите вещи. Тёплые. Мы едем в Москву. Потом, возможно, дальше.

Он ушёл. Я стояла в мастерской, чувствуя, как холодный воздух с улицы обжигает лицо. Я только что продала себя. На год. Но почему-то не было страшно. Было... что-то. Предвкушение. И страх. И что-то ещё, чему я не могла дать имя.

Я собрала вещи. Немного. Тёплый свитер. Джинсы. Кисти. Краски. Бабушкину икону — маленькую, потемневшую, которую я так и не успела отреставрировать. Я смотрела на неё. Свет. Под грязью — свет. Я всегда это знала. Но своём свете я забыла.

Через час чёрный автомобиль ждал у подъезда. Я вышла с чемоданом. Дождь кончился. Воздух стал чистым, холодным. Дверь открылась. Он сидел внутри. В полумраке. Протянул руку. Я взяла. Села рядом. Машина тронулась.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я не чудовище. Я просто человек, который привык получать то, что хочет.

— И что вы хотите? — спросила я.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом отвернулся. Смотрел в окно. Город проплывал мимо. Огни. Мосты. Тени.

— Пока не знаю, — сказал он. — Может, картину. Может, большее. У нас есть год, чтобы выяснить.

Я молчала. Смотрела на его профиль. На руки. На то, как он держит телефон. Уверенно. Как всё. Я думала о том, что этот год изменит меня. Или ломает. Или откроет то, что я

прятала от себя всю жизнь.

Машина ехала по ночной трассе. Мимо мелькали огни. Я закрыла глаза. И впервые за долгое время почувствовала, что живу.

Мы ехали долго. Я не считала часы. Дорога гипнотизировала. Я почти уснула, когда машина свернула с трассы. Не в Москву. В другую сторону. Я открыла глаза. Посмотрела в окно. Лес. Тёмный. Густой. Никаких огней. Никаких домов. Только деревья и ночь.

— Куда мы? — спросила я.

— Не в Москву, — сказал он. — Я соврал.

Я напряглась.

— Зачем?

— Потому что в Москве нас ждут. Те, кто не хочет, чтобы я нашёл картину. Те, кто хочет найти её первыми. Я не мог рисковать. Даже вами.

Машина остановилась. Дом. Старый. Двухэтажный. Стоял в глубине леса. Окна светились тёплым светом. Я вышла. Воздух пах хвоей и дымом. Тишина. Абсолютная. Я никогда не слышала такой тишины.

— Что это за место?

— Мой дом. Настоящий. Не тот, что в городе. Здесь я живу. Здесь я думаю. Здесь я прячусь.

Он пошёл к дверям. Я следом. Внутри — просто. Дерево. Камин. Книги. Картины. Много картин. Я остановилась. На стене — «Портрет неизвестной». Оригинал. Я узнала его

сразу. Тот же взгляд. Те же краски. Тот же свет. Я замерла.

— Это... — прошептала я.

— Да, — сказал он. — Это она. Я нашёл её три года назад. И спрятал. Здесь. Никто не знает. Даже отец.

Я смотрела на него. Не понимала.

— Зачем? Вы сказали, что ищете её. Что хотите подарить отцу. Зачем тогда контракт? Зачем я?

Он подошёл. Взял меня за руку. Подвёл к картине.

— Посмотрите на неё. Внимательно. Что вы видите?

Я смотрела. Женщина. Молодая. Красивая. Глаза. Взгляд. Что-то знакомое. Что-то... Я вздрогнула. Отступила. Посмотрела на него. Потом снова на картину. Потом снова на него.

— Она... — я не могла сказать. — Она похожа на меня.

— Да, — сказал он. — Похожа. Я заметил это три года назад. Когда впервые увидел вас. В галерее. На выставке. Вы стояли у окна. Смотрели на картину. Я подумал, что схожу с ума. Потом понял. Это не совпадение. Это судьба. Или проклятие. Я не знаю.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что искал не картину. Я искал вас. Три года. Я узнал о вас всё. Вашу мать. Вашего брата. Вашу боль. Я знал, что вы придёте. Что вы согласитесь. Потому что вы — она. Та же. Женщина с портрета. Только живая. Настоящая.

Я смотрела на него. В его глазах было что-то. Не холод. Не расчёт. Что-то другое. Что-то, от чего у меня перехватило

дыхание.

— Вы сумасшедший, — прошептала я.

— Возможно, — сказал он. — Но я не вру. Я никогда не врал вам. Ни в мастерской. Ни в машине. Я хочу вас. Не картину. Вас. И я готов ждать. Год. Два. Всю жизнь. Пока вы не поймёте. Что вы — не она. Что вы — лучше. Что вы — моя.

Он отпустил мою руку. Отошёл. Смотрел на картину. Потом на меня.

— Я не буду вас заставлять. Контракт — формальность. Вы можете уехать. Прямо сейчас. Я вызову машину. Вы вернётесь в Петербург. Маме я помогу. Всё равно. Я обещал. Я сдержу слово. Но если вы останетесь... — он замолчал. — Если останетесь, я покажу вам то, что не показывал никому. Свою жизнь. Своё прошлое. Свою тьму. И, может быть, вы поймёте. Почему я искал именно вас.

Я стояла. Смотрела на него. На картину. На женщину, которая была мной. И не была. Я думала о маме. О Диме. О своей пустой жизни. О тишине. О том, что я давно ничего не чувствовала. А сейчас — чувствовала. Всё. Сразу. Страх. Гнев. Любопытство. И что-то ещё. Что-то, чему я боялась дать имя.

Я подошла к картине. Коснулась пальцами. Холст. Краска. Время. Свет. Под грязью — свет. Я всегда это знала. Теперь знала точно.

Я повернулась. Посмотрела на него. Долго. Потом сказала: — Я останусь. Но не потому что контракт. Не потому что

мама. Потому что хочу узнать. Кто вы. И кто я. Рядом с вами.

Он улыбнулся. Не уголком. Полно. Широко. Впервые. И в этой улыбке было столько облегчения, столько тепла, что я поняла: он ждал этого. Долго. Может, всю жизнь.

— Хорошо, Влада, — сказал он. — Добро пожаловать домой.

Я стояла в его доме. В лесу. Ночью. Перед картиной, которая была мной. И не была. И думала о том, что год — это долго. Но, может, не достаточно. Чтобы понять. Чтобы простить. Чтобы полюбить. По-настоящему. Каждый день. Заново. Пока можем. Пока дышим. Пока рядом.

Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.